

Студент Г. Хаупт

ПУШКИН И ВЕНГЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Историко-литературные заметки

Широкая популярность русской классической литературы у венгерских читателей в XIX—XX вв. еще почти вовсе не подвергалась специальному изучению. О большом и плодотворном воздействии передовой русской литературы на венгерскую общественную и литературную мысль подробных исследований еще не существует ни на венгерском, ни на русском языках. Что касается венгерского буржуазного литературоведения, то оно долгое время предпочитало вовсе не говорить об этом. Лишь после освобождения Венгрии Советской Армией появилось несколько статей, посвященных этому вопросу; часть их повторяла уже известные факты с целью популяризации исторических и культурных связей венгерского народа с великим русским народом;¹ другая часть представляла собою более «академические» труды, но эти последние, стоя на сугубо идеалистических позициях, не только исходили из формально-эстетического анализа литературных фактов, не хотели или не могли дать действительно полную и правильную картину русско-венгерских литературных отношений, но иногда даже прямо имели враждебный, антисоветский характер.² Таково, например, «Введение» Лайоша Дьердя к изданной им библиографии венгерских переводов произведений русских писателей.³

Неудивительно, что венгерское литературоведение не пыталось еще осветить надлежащим образом тот примечательный для нас факт, что

¹ См., например, Kunszeri Gyula: Orosz magyar szellemi kapcsolatok, «Demokrácia», 1945, 17 sz.; Komlós Aladár: Az orosz irodalom utja Magyarországon, «Irodalom—Tudomány», 1946, 6 sz., 59—60 о.

² Отметим Zsigmond Ferenc; Orosz, hatások irodalmunkban, Budapest, 1945 (Magyar Tudományos Akadémia) 78 стр. Értékezesek a Nyelv és Széptudományi osztály köréből; 26 k., 6 sz.

³ György Lajos: A magyar és az orosz irodalom kapcsolatai, Kolozsvár, 1946. Лайош Дьердь, бывший профессор университета и одно время глава католической клерикальной реакции и поповщины в румынской Трансильвании, в своем введении к указанной библиографии русской литературы на венгерском языке (стр. 3—73), изданной уже после освобождения Трансильвании Советской Армией, недвусмысленно обнаруживает свои антисоветские настроения, в особенности там, где говорит о советской литературе. Это «введение» представляет собою лишь нагромождение фактов, без всякого исторического анализа. Сам автор признает, что этот «обзор», по его словам, лишь «облегчает дальнейшее исследование», но ничего не говорит о том, что этот «обзор», читанный им венгерским студентам в 1944—1945 гг., принес большой вред, играя на руку венгерской реакции, несмотря на то, что со своей фактической стороны приложенная к нему библиография представляет известный интерес.

одним из первых русских писателей, с которым познакомились венгерские читатели и которого они действительно полюбили и оценили, был Пушкин; что касается русского литературоведения, то этот факт остался здесь неизвестным и неосвещенным. В „пушкиниане“ весьма многочисленные венгерские переводы произведений Пушкина и критические отклики на них до сих пор не учтены.¹

Две библиографические работы о русской литературе в венгерских переводах, недавно появившиеся в Венгрии и Румынии, закладывают фактическую основу для ряда последующих изучений в этой области, но требуют и дальнейших разысканий и, прежде всего, критического освещения. Таковы: только что упомянутая книга Лайош Дьердя «Связи венгерской и русской литературы» (Kolozsvár, 1946) и Шандор Козоча «Библиография русской литературы» (Az orosz irodalom bibliográfiája, Budapest, 1947 (bsszéelitotta Kozocsa Sándor)).² В обеих этих работах Пушкину уделено значительное место; цифровые, статистические данные, которые можно извлечь из этих библиографических перечней, красноречивы даже без комментариев: количество венгерских переводов из Пушкина исчисляется не десятками, а сотнями: один «Евгений Онегин» с 1866 по 1946 г. переиздавался в Венгрии 18 раз; на венгерский язык переведено, нередко по несколько раз, 99 стихотворений Пушкина, 7 поэм и т. д. По своей популярности в Венгрии в XIX в. к Пушкину приближаются лишь Лермонтов и особенно Тургенев и Л. Толстой. Сколько ни важны, однако, библиографические перечни подобного типа, они представляют собой лишь вспомогательный источник для историко-литературных работ в собственном смысле. Цифры переводов, изданий и т. д. для литературной истории интересны только тогда, когда они поддаются соответственному истолкованию и объяснению; тот цифровой итог, например, который приводит Шандор Козоча в упомянутой работе — «двенадцать десятилетий с горячей симпатией читают венгры произведения 353 русских писателей»,³ — может иметь значение только

¹ «Puschkiniána» В. И. Межова (СПб., 1886, стр. 224, № 3400 и 3405), указала лишь на одно венгерское издание стихотворений Пушкина в переводе Имре Черечи Puskín költői beszévei, fordította Cserenyi Imre, Pest, 1864, 24 стр.), не раскрыв псевдонима переводчика (Имре Зилахи) и глухо сослалась на перевод «Евгения Онегина», предпринятый Каролом Берци, как на еще незаконченный, заимствуя это известие из «Slawisches Centralblatt» 1865, № 8, стр. 63, между тем, как этот перевод в полном виде вышел в свет в 1866 г. Те же данные, с прибавлением лишь отзвука о Пушкине из венгерско-немецкой газеты 1880 г., мы находим и в брошюре П. Д. Драганова «Пятидесятиязычный Пушкин, т. е. переводы Пушкина на 50 языков и наречий мира» СПб., 1899, стр. 38—39; «Юбилейный сборник историко-литературных статей о Пушкине» изд. Н. Я. Романова, СПб., 1899, стр. 789 указывает только на венгерский перевод «Евгения Онегина» Берци (sic!) в изд. 1865 г. (!). Более подробно, но преимущественно по отношению к более поздним русским писателям, небольшие обзорные статьи: П. Д. Драганов, Русские писатели в венгерско-мадьярском переводе — «С.-Петербургские Ведомости» 1900, № 283 и «Русские писатели в мадьярском переводе», — «Славянский век» (Вена) 1909, № 9—10, стр. 32—34.

² Считаю необходимым оговорить, что согласно давно установившейся в русской литературе традиции, мы ставим венгерские собственные имена перед фамилиями, а не после них, как этого требовала бы венгерская практика; однако, вопреки русской традиции, мы не считаем необходимым русифицировать венгерские личные имена (напр. Георгий вместо Дьердь, Андрей вместо Эндре, Иван вместо Янош, Александр вместо Шандор) и употребляем их в транскрипции, по возможности близкой к венгерской графике (так, например, гласную *a* без знака ударения мы передаем, как *a*, а не как *o*: Арань вместо возможного Оронь). Ср. замечания Н. Новича (Н. Н. Бахтина) в его кн. «Мадьярские поэты», СПб., 1897, стр. 110—111 и его же статью: «О передаче по-русски иностранных имен», «Журн. Мин. нар. просв.», 1911, № 3, стр. 17—18.

³ Kozocsa Sándor..., стр. 313.

тогда, когда мы будем знать, о каких писателях идет речь и почему именно они вызвали к себе горячую симпатию венгерских читателей в тот или иной исторический период, в конкретной обстановке общественной, классовой, идеологической борьбы. В этом смысле факт значительного распространения русской литературы в Венгрии в XIX—XX вв. подлежит еще серьезному, глубокому и разностороннему изучению, для которого подготовительные библиографические изыскания очень полезны, но явно недостаточны. Пока ясно лишь одно, что великая русская литература, служившая неисчерпаемым источником передовых, прогрессивных идей во всем мире, вызвала к себе большой интерес также и в Венгрии, притом в различные периоды исторической жизни венгерского народа.

В 1877 г. распространенная венгерская газета «Фёвароши лапок» («Столичные листки») сделала следующее характерное признание: «Хотя мы и не сочувствуем экспансионистской политике «московитов», но мы относимся с уважением к торжеству русского народа, проявляется ли оно в музыке, в стихах Пушкина или в романах Тургенева, и приветствуем его».¹ Это писалось во время русско-турецкой войны, т. е. в то время, когда экспансионистские стремления австро-венгерской монархии натолкнулись на сопротивление России, игравшей в то время роль освободительницы балканских народов. Отсюда действительность этой оценки вынужденной недружелюбной к России официальной точкой зрения австро-венгерского правительства, с одной стороны, и восторженным признанием русской национальной культуры со стороны венгерских читателей, — с другой. Глубокое уважение венгерцев ко всем достижениям русской культуры и искусства, ко всем качествам создавшего его русского народа не случайно и показательно, так как этот народ явил все свое величие во время национально-освободительного движения против габсбургского произвола в 60-х годах XIX в.

Русская литература, начиная с XIX в., является могучим фактором в борьбе за освобождение народа, за независимость своей родины и за великие идеалы свобождения человечества. Русский писатель, как говорил А. М. Горький, «... всю жизнь свою, всю силу сердца тратил на жаркую проповедь общечеловеческой правды, будил внимание к народу своему». «Сердце русского писателя было колоколом любви и вещей и могучий звон его слышали все живые сердца страны».²

Русские писатели, и среди них в первую очередь Пушкин, были верными выразителями чаяний народа, храбрыми и активными участниками борьбы за свободу, за прогресс, против самодержавия. «По мнению Пушкина, — замечает А. М. Еголин, — народность в литературе состоит в выражении мыслей, чувств, страстей, которыми живет народ. Пушкин разделял самые насущные, самые жгучие из стремлений народных — стремление к национальной независимости, стремление к политической свободе».³ Но не только будущность своего народа в его борьбе интересовали Пушкина. Он восхищался национальной борьбой любого другого народа, отстаивавшего свои права, искренне сочувствовал национально-освободительной борьбе греческого, испанского, итальянского народов. Еще в 1834 г. Белинский отмечает, что Пушкин «представитель современного человечества».⁴ Ничто не доказывает это лучше, как его

¹ «Fővárosi Lapok». 1877, № 10

² А. М. Горький, Статьи 1905—1916 гг., 2-е изд., 1918, стр. 48.

³ А. Еголин, Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX в., М., 1946, стр. 51.

⁴ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, Огиз, Москва, 1941, стр. 5.

REGELŐ PESTI DIVATLAP.

A Magyar Királyság
 Pestmegyei Közigazgatásának
 Közlönykönyve.
 Budapest, 1844.

A Regelő Pest
 1844. évi
 24. 30 kr. — Kérem
 a szerkesztőnek
 1844. évi
 24. 30 kr. — Kérem

Kiadja és szerkeszti Gafay János.

27. sz.

Vasárnap, April. 14. évi 1844.

3. évf.

A' LÖVES.

Novella. Puskin műve.

... városában szállásotánk. Ismertek egy sor
 utadit tisz' életét 's foglalkozását. Reggel levő: és
 leggyakorlat, ebből az erőt' parancsokká, vagy
 egy találkozásában: ebből egy paritit whitit 's egy
 howit puenit. Városunkban egy ház nem volt, mit lá-
 togathatánk, egyetlen egy másik nem; mi, tisztek, egy-
 mást kerestük föl, 's fornarukházi, ugy azolva, lel-
 ket nem láttunk. De megis, egy pulgári tartott kö-
 rünkben; külsőből 35 éves férő, kit mi, 20 éves fe-
 kők, természetesen kórosnak tartánk. Több tapasztalás-
 sa volt mint nekünk, 's szokottan megörvály-datani
 jelleme, 's eles nyetje nem csakoly befolyással volt
 lju kedélyünkre. Alttában megkötötte szét véte kö-
 rűt; oroznak jutsék; de néve külföldben hangzott.
 Ez előtt szerencsével szorgalm' buzurokult; később
 — nem tudták mi okból? — bencsét vün 's e' szomorú
 városunkban telepít meg, hol majl szegényű, majl pa-
 zarnak éit, nyűt felöltönyben, mindig gyalog járt 's min-
 den cirendéskelti tisz' számára nyűt szaktat tarta. Ebe-
 det, perase csak három ógy, kórkatonajától készített,
 taffol állottak, de a' mellett a' chaptagnoci nem kimel-
 tetett. Har néhány szeretett volna valami kőnelebbit tul-
 ni jangja; 's jövedelméről, még sem merészkedek wu-
 ki kordost temi ruta. Kis könyvtára leginkább katonai
 jinnakból állt. Mindennek, 's ki kívánta, kölcsönző
 könyvet, 's nélkül, hogy visszakérne, de ellenben ő
 maga a' kőri könyvet tates nélkül add vissza. Kegyenez
 foglalkozasa piztoljölözés volt, miért szobája falai
 egészön bejépeztetvén 's nyugatva valának. Kétüszö-

piztoljölözés volt egyetlen lényzése a' parnyi
 szobájuk, melyben lakott. — Ögysége e' szobák
 alkatlan volt; ha kedve jött volna valamellyikük' es-
 kajáról egy almátelést, nyugodtan tartok oda fejüket.
 Tarsasgukban gyakran volt sző parkázásról, Silvio
 levelezék így az idegenűt soha sem leveredett e' be-
 szigetetésbe. Ha kérdésűk: parkázást-e valaha? egész
 válasza egy száraz igen volt, mivel megdáták, hogy
 az effle kérdések kellemetlenek nekik. Azon vesemény-
 ben valának, hogy művészetének valami szerencsétlen
 alkossin nyomasztja telkiámerét. Külsőben soha sem
 jaja ezekbe putjának tartani, mert vannak emberek,
 kiknek egész lénye már magában éliz effle gyantást.
 Egy véletlen történet szobán csodákozásra ragada ben-
 adák:
 Egyszer, körülöttem itt hoz valánk ebédet Silvio-
 sít. Szokott molnak szorim trink, t. i. Klauz igen sz-
 kacakák; 's azait min' rábeszéltek Silvio, aljós ban-
 kot. Vanszokott, csakon soha nem jászarnak; végül
 elővéve a' kártyát, mintegy 50 aranyat az asztalra
 szort, 's a' bankot elfordézt. A' jűtek késéssel vére.
 Silvio a' mellett mindig kaffinai szokott, soha nem vi-
 fűzti, soha nem ereszkedik magyarázatokba. Ha a' tervű
 történetesen szalaktosul szánálalában, vagy ismét
 küszeté a' éhszozotot, vagy a' maralekot fölgyezte.
 Mi megvazotuk ezt; de egy tisz, ki cirendéskelté rövid-
 idő előtt érkezett, jűtekűben szorakozástól egy paro-
 líval többet tere. Silvio amikora szeriet megérté a'
 szánadást kretával, a' tisz hívva, hogy Silvio leve-
 lett, magyarázat akart. Bankánk nem telelt, hanem
 hallgatva jászott tovább. A' tisz koprosan öbje 10 a'
 Silvio jűteket; és nyugodtan trit ad megint. A' tisz

Az első magyar nyelven megjelent Puskin-novella.

Рис. 1

Первый перевод из Пушкина на венгерский язык („Выстрел“ в переводе Гобора Казинция в „Пештском модном журнале“ 1844 г.).

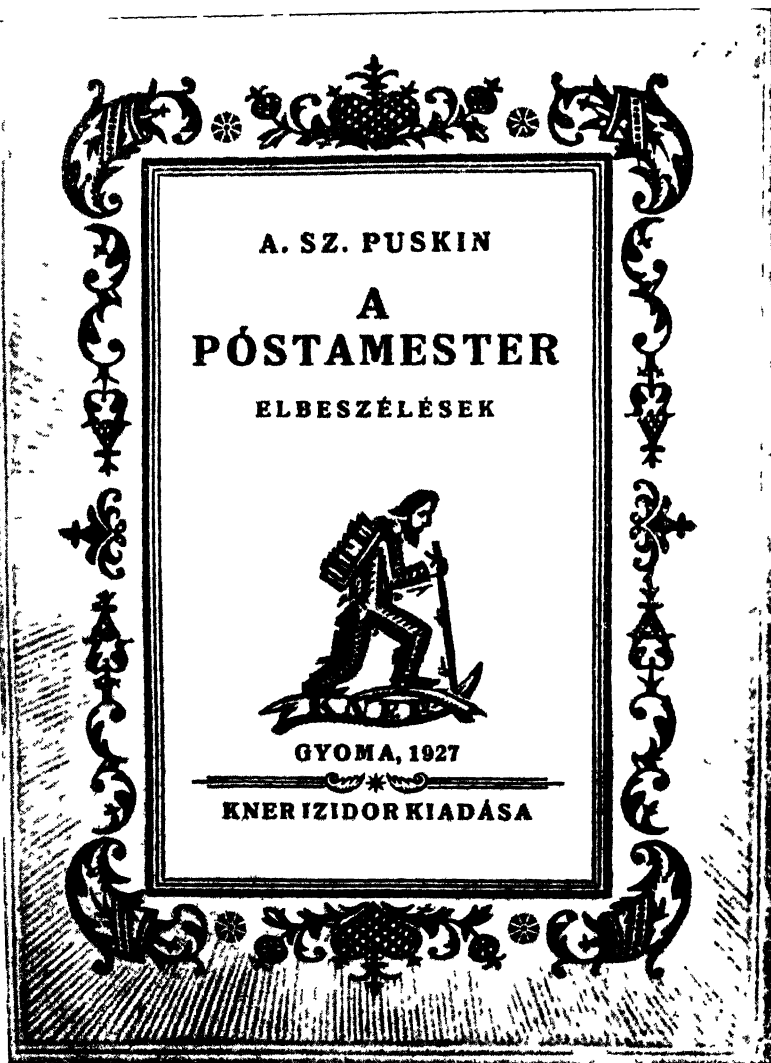

Рис 2

Венгерский перевод „Станционного смотрителя“ Пушкина 1927
(обложка)

Рис. 3

„Евгений Онегин“ в венгерском стихотворном переводе Кароля Берци (1866). Переиздание (Будапешт, 1920) (обложка).

влияние и популярность в XIX в. во всем мире, в частности в Придунайских государствах.

Первая статья на венгерском языке, посвященная русской поэзии, напечатана была в 1828 г. в X т. крупнейшего венгерского литературного журнала того времени «Тудоманьош дьютемень» (научный сборник)¹ и принадлежала Ференц Тольди (1805—1875), одному из первых историков венгерской литературы, плодovitому и разностороннему критику. Как эта, так и другие статьи того же Тольди, появившиеся в 1834—1836 гг. в другом литературном журнале — «Тудоманьтар» (издание венгерского научного общества), еще не были основаны на первоисточниках и компилировали различные сообщения о русской литературе из немецких или французских журналов. Тем не менее, эти статьи впервые познакомили венгерских читателей с Пушкиным; в статье Ференца Тольди 1834 г., основанной на материалах, заимствованных из женеvской «Bibliothèque Universelle», 1829, уже упоминается о поэме в стихах Пушкина «Евгений Онегин».² В венгерской прессе 30-х годов XIX в. в различных статьях о России также иногда можно встретить имя великого «московского поэта» Пушкина. Известия о его дуэли и смерти опубликованы были в 1837 г. в двух наиболее распространенных венгерских газетах того времени.³ В середине 40-х годов, в одном из периодических изданий появился первый и вместе с тем единственный перевод из Пушкина «Выстрел», сделанный с немецкого перевода Габором Казинци.⁴

Для более близкого ознакомления венгерской публики с русской литературой и Пушкиным еще не было предпосылок.⁵

Новая эпоха в развитии венгерской литературы, в связи с изменившимися настроениями и чаяниями венгерской интеллигенции, началась после подавления революции 1848 г., в новой исторической обстановке, в разгаре общественной борьбы.

После подавления революции 1848 г. Австрия, чтобы задушить национальное движение и лишить его какой бы то ни было почвы, попыталась ввести в стране абсолютизм и полный централизм, что ей временно удалось. В тот период, когда у власти стал генерал Бах, административный аппарат империи был унифицирован⁶ и попытки германизации Венгрии очень усилились. Из всех частей австрийской империи положение Венгрии в ту пору было едва ли не самым тяжелым. Администрируемая, управляемая на чужом языке и терзаемая немецким чиновничеством и полицией, Венгрия лишилась самостоятельности, превратившись лишь в австрийскую провинцию. Тяжелый национальный гнет усугублялся гнетом экономическим. Недвижимое имущество было обложено огромными налогами, промышленность и торговля задушены, страну хотели сделать колонией коронных земель. Опираясь на свою

¹ Toldy Ferencs, Orosz poézis, «Tudományos Gyűjtemény», 1828, т. X, стр. 105—114, «о Научном сборнике», его направлении и значении для истории венгерской журналистики и критики см. в статье Ferenczy Josephs La presse périodique en Hongrie (оттиск из «Revue de Hongrie» . . . , 15 avril, 15 mai).

² Toldy Ferencs, A muszka literatura jelen állapotja, «Tudománytar» 1834, IV, 650.

³ «Hazai s külföldi Tudósítások». 1837, № 20 (8 марта), стр. 157, № 26 (29 марта), стр. 207. № 40 (17 мая), стр. 319; «Jelenkor» 1837, № 22 (18 марта), стр. 88, № 33 (26 апреля), стр. 132.

⁴ A lövés. Novella, Puskin Sándortól (перев. Kazinczy Gábor) «Regélő Pesti Divatlap, 1844, № 27, стр. 417—422. № 28, стр. 433—436.

⁵ Fekete Sándor, A márciusi ifjuság ideológiája, «Valóság 1948, márc., стр. 161—171.

⁶ J. Redlich. Das österreichische Staats und Reichsproblem. Geschichtliche Darstellung der inneren Politik der Habsburger Monarchie, Leipzig, 1920, том 1, стр. 398.

жандармерию и бюрократию, австрийское правительство беспощадно подавляло всякое проявление национального движения. Ограничены были свобода союзов, собраний и печати. Тем не менее идея свободы была еще жива, несмотря на силу оружия и на притеснения полиции.¹ Несмотря на суровый закон о цензуре 1852 г., единственной трибуной, с которой можно было поднять голос протеста, была литература. Замечания Белинского о русской литературе, что «несмотря на тяжелую цензуру, только в ней замечается жизнь и движение вперед», с таким же правом можно было бы отнести к венгерской литературе того времени. Писатели принуждены были прибегать к аллегориям и «эзоповскому языку»; тем не менее каждый венгерец без труда понимал, что они имели в виду.² Большинство известных и статей было выбрано и написано таким образом, чтобы обмануть цензуру. Популяризировались такие идеи или события, которые напоминали о свободе, охотнее всего писали о таких людях, исторических деятелях, которые так или иначе были связаны с делом освобождения. Интерес к русской литературе был тесно связан с этими настроениями венгерских писателей. Поэтому нас не должно удивлять, что, начиная с 50-х годов, на страницах любого более или менее распространенного венгерского литературного журнала или газеты на каждом шагу мы встречаемся с именами Пушкина, Лермонтова и Тургенева, с переводами их произведений на венгерский язык, с их биографиями или с известиями об интересе к ним за пределами России. В 1853 г. «Сепьиродальми лапок» знакомит публику с «Записками охотника» Тургенева, напоминая, что немцы очень хвалят этот роман. В 1855 г. в газете «Вашарнапи уйшаг» («Воскресная газета») появляется биографическая статья о Пушкине, весьма искусно внушающая венгерскому читателю ту мысль, что великий русский поэт горячо боролся за свободу в своей стране и стал в конце концов жертвой самодержавия.³ В этом же году в переводах Д. Ургази появляются «Пиковая дама»,⁴ потом «Метель» в журнале «Növilaг» («Женский мир»)⁵ и новый перевод «Пиковой дамы» («Зеленая дама»; Zöld dáma в газете «Будапешти Хирлап» («Будапештский вестник»)).⁶ В 1855 г. напечатан также «Герой нашего времени» Лермонтова, и в том же году публикуется его поэма «Хаджи Абрек». В 1858 г. напечатаны три рассказа Тургенева, переведенные с немецкого и французского языков. В четырех номерах журнала «Хельдьфутар» помещают статьи о русских народных пословицах. Как видно из этой справки, в 50-х годах Пушкин еще не был так знаком широким кругам венгерских читателей, как другие русские писатели. Но в общем русская литература в это время пользуется большой популярностью, имена русских писателей все чаще мелькают на страницах целого ряда журналов и газет. Можно ли объяснить случайностью, что заметный рост популярности русских писателей в Венгрии пришелся на 50-е годы, когда именно венгерское общество, отступившее на время от активной борьбы, в пассивном сопроти-

¹ Ярким доказательством этого было неудавшееся покушение Иожефа Либени на императора Франца-Иосифа I (18 февраля 1853 г.).

² Beóihy Zsolt, A magyar irodalom története, Budapest, 1896, т. II, стр. 660—665.

³ P. Li. Puskin S. «Vasárnapi Ujság», 1855, № 4. Возможно, что эта статья является отзвуком на появившееся в этом году изд. «Сочинений Пушкина с приложением материалов для его биографии» П. В. Анненкова, вызвавшее ряд статей как в русских, так и в западноевропейских журналах и газетах.

⁴ Pík-Dáma перев., Urházy György, «Divatcsarnok», 1855, № 24—27.

⁵ Hőföregteteg, «Növilaг», 1857, № 42, стр. 657—666.

⁶ Zöld dáma, перев. Fekete Soma, Budapesti Hirlap, 1858, 171—177 sz.

влении с ненавистью вспоминало тех врагов своей свободы, которые подавили венгерскую революцию, и в частности именно царскую Россию, и старались изолироваться от них?

Популярность русской литературы в Венгрии не была случайным явлением. Венгерское общество неизменно видело в русских писателях прежде всего борцов против всякого насилия и произвола, борцов за свободу всего человечества. Распространение произведений русских писателей в 50-х годах было одним из действительных средств пассивного сопротивления Венгрии, борющейся против национального гнета габсбургов.

События, происшедшие в 1859 г., и прежде всего австро-итальяно-французская война, вновь оживили венгерские общественные силы. В Европе все ждали тогда вспышки новой венгерской революции, только Маркс, в письме к Лассалю (4 февраля 1859 г.), правильно указал на те обстоятельства, которые, по его мнению, исключали возможность в то время нового революционного восстания в Венгрии.¹ Вильяфранкский мир, означавший поражение Австрии, только усилил революционное настроение венгерских народных масс. Характерно, что внешне это выразилось не в открытом столкновении с австрийскими властями, а в устройстве торжеств в честь венгерских национальных писателей, в широком и сплоченном праздновании каждого венгерского национального праздника.²

Но революционно настроенные массы выступали не против абсолютизма и реакции Баха: венгерцы хотели продолжать и осуществлять задачи буржуазно-демократической революции, начатой в 1848 г. В тот исторический момент это могло быть осуществлено лишь путем завоевания национальной независимости, поскольку эта независимость могла обеспечить освобождение от колониальной зависимости для развития венгерской промышленности и земледелия.

«Одной из действительных задач революции 1848 г. (а действительные, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции), — писал Энгельс Каутскому, — было восстановление угнетенных и раздробленных национальностей средней Европы, поскольку они вообще были жизнеспособны и, в частности, созрели для независимости. Эта задача была разрешена для Италии, Венгрии и Германии душеприказчиками революции Бонапартом, Кавуром, Бисмарком соответственно тогдашним отношениям».³

Венгерское общество, за исключением легко шедшей на компромисс с Австрией консервативной аристократией, отвергало каждую попытку Австрии полностью подчинить себе Венгрию. Революционный подъем принимал все более угрожающие размеры.⁴ Наконец,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, ОГИЗ, М.—Л., 1947, стр. 110.

² *Mód Aladár, 400 év küzdelem az önálló Magyarorszáért*, Budapest, 1947, стр. 134; С. Палаузов, Венгрия и современные отношения к Австрии, СПб., 1361, стр. 37—39. Палаузов относился с величайшей симпатией к венгерскому народу. С сочувствием описывает он революционное настроение последнего и указывает на историческую необходимость венгерской национально-освободительной борьбы (стр. 44—45). Напомним, с каким горячим сочувствием относились Чернышевский и Герцен к борьбе венгерского народа в 1859—1866 гг.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 184—185.

⁴ Венгерское правительство в 1860 г. ведет переговоры с консервативным дворянством, которое за феодальной конституцией 1847 г. с охотой шло бы на союз Вены: Австрия со своей стороны тоже предпочитала возвращение к мирной конституционной жизни. Эта уступчивость Австрии была вызвана, очевидно, тем же революционным подъемом, который мог бы принять и более опасные для Австрии формы. См. И. П. Трайнин, «Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад», изд. АН СССР, 1947, М.—Л., стр. 98; J. R e d l i c h, op. cit., Bd. I. S. 465—471.

5 ноября 1861 г. во всей стране было объявлено осадное положение.

Единство этого революционного движения было лишь формальным, поверхностным. В действительности либеральное дворянство, во главе с Ференц Деак, в любой момент готово было пойти на компромисс в обмен на конституцию 1848 г. Отказ Вены привел их в один лагерь с теми, кто хотел «прокламацию за свободу» 1849 г. только до 1864 г. Особенностью национального движения в Венгрии в 50—60-х годах было то, что крестьянство в это движение не было вовлечено. Либеральное дворянство, которое играло тогда руководящую роль в этом движении, не хотело допустить к участию в нем крестьянские массы, а буржуазная интеллигенция не была в состоянии осуществить это. И. В. Сталин пишет: «Основу национального вопроса, его внутреннюю суть... составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения. Это именно и имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский».¹ Отсутствием связи с крестьянством объясняется слабость венгерского революционного движения в Венгрии в 60-х годах, его готовность пойти на компромисс.

Итак, национальное движение в Венгрии и в дальнейшем в большей своей части, благодаря более мягкой цензуре, проявило себя в литературе и журналистике.²

Самой главной задачей национального движения, с одной стороны, была мобилизация масс, разъяснительная работа и укрепление национального самосознания в широких слоях венгерского народа, а с другой — постоянное сопротивление и борьба против произвола австрийских властей и союзника их — венгерской аристократии. В этот период все эти задачи почти целиком выпали на долю венгерской литературы. Хотя писатели и принадлежали к различным партиям и находились в постоянной борьбе между собой, но выступление их в литературе против австрийского произвола было единодушным. В эти годы в Венгрии формируется тот фальшивый буржуазный патриотизм, который провозглашает, что все венгерцы — хорошие патриоты, независимо от их политических взглядов, что они, только разными путями, стараются «защитить», «гарантировать» интересы нации. Это подготавливает и создает тот компромиссный дух буржуазии, который характерен для венгерской буржуазной политики и приводит, в конце концов, к фашизму.

В 60-х годах на сценах театров, в газетах, книгах сильно звучит стремление к свободе. Для венгерской литературы того времени характерны выступления как против иностранного произвола, так и против собственной аристократии. Интерес к русской литературе в Венгрии в этот период еще более усиливается. Для нас особый интерес представляет тот факт, что именно в 60-х годах в Венгрии самым распространенным и популярным писателем в широких массах читателей, одушевленных идеей свободы, является А. С. Пушкин.

Первым венгерским поэтом, познакомившим своих читателей со стихами Пушкина, был Кароль Зилахи-Киш (Zilahy Kis Károly), глава литературной оппозиции после подавления венгерской революции.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Политиздат, М., 1938, стр. 152.

² Результатом политической борьбы в 1861 г. было появление бесчисленного множества газет; так, каждая политическая группировка имела свои 2—3 газеты. Fegyver J., op. cit., p. 37—38.

В 1862 г. в одном из важнейших венгерских литературных журналов этого периода под заглавием «Сепьиродальми фиделью» (Литературный наблюдатель) Зилахи-Киш напечатал переводы двух стихотворений Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» (1828) и «Желание» (1824), а также поэму «Бахчисарайский фонтан».¹ Через два года, в другом журнале «Февароши Лапок» он поместил также свой перевод «Капитанской дочки».² Однако Кароль Зилахи-Киш был не только переводчиком Пушкина, он был также его восторженным популяризатором и истолкователем; он часто говорит о Пушкине в своих разнообразных статьях о русской поэзии. Под влиянием Кароля Зилахи поэзией Пушкина и русской литературой вообще увлекся младший брат Кароля, Имре Зилахи-Киш, ставший одним из наиболее плодovitых переводчиков Пушкина в Венгрии в 60-е годы и даже составивший себе на этих переводах русских писателей литературное имя. Сам Имре Зилахи указал, что источником его интереса к русской литературе была поэзия Пушкина; «восхищенный ее красотами», он «взялся за изучение трудного языка»³ и овладел им настолько хорошо, что смог взяться и за стихотворную передачу русских поэтических текстов на венгерском языке.

В первой половине 60-х годов во всех более или менее значительных венгерских литературных журналах появляются переводы Имре Зилахи из Пушкина. В 1864 г. под псевдонимом Имре Черени он издал небольшую книжку под заглавием «Поэтические произведения Пушкина»,⁴ и в 1866 выпустил в свет объемистый том (370 страниц), озаглавленный «Северное сияние. Стихотворения Пушкина и Лермонтова».⁵ В книге помещены главным образом переводы из Пушкина, потому что, по мнению переводчика, «у него богаче ум, больше настроения», чем у Лермонтова.

Помимо переводов 23 стихотворений Пушкина, в книгу входят также переводы «Бориса Годунова», поэм «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Цыганы», «Кавказский пленник», «Граф Нулин» и «Демон» Лермонтова. Переводчик сравнивает Пушкина с Шандором Петёфи и Яношом Арань, которых в это время считали в Венгрии крупнейшими поэтами мирового значения. Зилахи между прочим считает, что не только стихи, но и повести Пушкина «бесподобны и непревзойдены в мировой литературе».

Одним из воодушевленных популяризаторов Пушкина в Венгрии в это десятилетие был Пал Дьюлай (1826—1909), самый авторитетный и острый критик этого периода. В газете «Сепьиродальми фиделью» («Литературный наблюдатель»), а впоследствии в своем журнале «Будапешти семлелью» («Будапештское обозрение») он постоянно публиковал переводы произведений Пушкина и сам также перевел несколько его стихотворений. Один из его друзей Ласло Арань свою литературную деятельность начал с переводов из Пушкина и Лермонтова. Так,

¹ «Ne zengd óh leány!...», Szépirodalmi Figyelő, I k., 18 sz., 227 o.; Zilahy Károly Munkái, Pest, 1866, I k., 19 o. Eszaki Fény, Pest, 1866, 347—348 o.; «A vágy hívott...», Fordította Zilahy Károly, Zilahy Károly Munkái, Pest, 1866, I k., 20—21 o., Északi Fény, 348—349 o.; «A bakcsiszeralvi forráshoz», Fordította Zilahy Károly, «Nővilág», 1862, I o. sz., 153 o., Zilahy Károly Munkái, I k., 18 o.

² «A kapitány leánya»; Fordította Zilahy Károly, «Fővárosi Lapok», 1864, 19—38 sz.

³ Введение Имре Зилахи к «Северному сиянию».

⁴ Puskin költői beszéleyei, Fordította Cserényi Imre, kiadja Zilahy Károly Pest, 1864.

⁵ Zilahy Imre «Eszaki Fény. Költemények Puskin Sándor és. Lermontoff Mihály után. Pest, 1866, 370 o.

в 1865 г. по немецкому переводу Ф. Боденштедта, он сделал венгерский перевод пушкинской «маленькой трагедии» «Каменный гость».¹

Одним из центров литературной жизни в Венгрии в это время являлось основанное еще в 1836 г. в Будапеште в память венгерского драматурга и поэта Кароля Кишфалуди (1788—1831) литературное общество имени Кишфалуди (Kisfaludy Társaság), ставившее своей целью заботиться о разработке венгерского литературного языка и литературы, поощрять развитие теоретических и эстетических исследований. Оно немало интересовалось также популяризацией в Венгрии выдающихся иностранных писателей,² систематически устраивало публичные заседания, на которых обсуждались различные теоретические и историко-литературные вопросы, читались литературные произведения, оригинальные и переводные, а также издавало их в своих трудах и отдельными книгами. На заседании этого общества, состоявшемся в октябре 1865 г., решено было издать венгерский перевод «Евгения Онегина»,³ за который взялся один из образованнейших писателей того времени, Кароль Берци (Bérczy Karoly, 1823—1867). В 1844 г. Берци состоял членом знаменитого «кружка десяти», к которому принадлежал также Шандор Петёфи. Составлявшие этот кружок молодые радикально настроенные венгерские писатели и поэты примыкали к левому крылу революционных деятелей 1848 г. Все они одушевлены были мыслью о служении народу, о культурно-просветительной миссии интеллигенции в широких народных массах. Правда, Берци не был радикалом, его следует скорее назвать представителем прогрессивно настроенной венгерской буржуазии; тем не менее, в 1849 г. он написал ряд революционных стихотворений, которые свидетельствуют о его республиканских убеждениях в те годы. В пяти томах его полного собрания сочинений помещены его стихи, повести, критические этюды, переводы; «Дорога жизни» и «Излеченная рана» считаются лучшими из его повестей по своему стилистическому мастерству и тонкому психологическому анализу.

Представляет несомненный интерес вопрос о том, как возник первый венгерский перевод «Евгения Онегина», сделанный Берци, как заинтересовался он Пушкиным? О том, как у Берци возник интерес к «Евгению Онегину», он сам рассказывает в предисловии к своему переводу (в издании 1866 г. впоследствии воспроизводившемуся и во всех других многочисленных изданиях).⁴

С творчеством Пушкина, и, в частности, — с «Евгением Онегиным», Берци познакомился еще в 50-х гг. по немецкому переводу Ф. Боденштедта. «Перевести знаменитое произведение на венгерский язык я решился тогда, — пишет Берци (предисловие помечено 16 марта 1866 г.), когда несколько лет тому назад снова перечитал его; я был настолько захвачен его красотой, что, попытавшись перевести первую строчку, увлекся и кончил тем, что перевел целую главу». Любопытно, что именно этот перевод первой главы «Онегина», сделанный с немецкого, открыл ему дорогу к избранию в члены литературного «Общества имени Кишфалуди».⁵ Берци поразили в «Онегине», по его собственным

¹ A szobor vendége, Fordította, Arany László (1865). См. в книге Arany László költeményei Budapest, 1899, стр. 283—333.

² I. Kont, Etude sur l'influence de la littérature française en Hongrie (1772—1896), Paris, 1902, стр. 462.

³ „Slavisches Centerblatt, 1865, № 63.

⁴ Anyégin Eugén, Regény versekben. Oroszból fordította: Bérczy Károly, Pest, 1866, Kisfaludy-Társaság X XIV, 296 стр.

⁵ György Lajos, op. cit., стр. 11.—Перевод Берци второй главы «Евг. Онегина», (по переводу Боденштедта) вышел в свет в 1863 г.

словам, «самобытность» произведения Пушкина, делающая каждый его стих «характерно русским» и в особенности его «реализм». «Этот русский поэт дает естественную и верную картину русского общества его времени, и эти картины именно потому красивы и захватывающи, что они верны и правдоподобны»... Поэтому, он не мог ограничиться переводом лишь одной главы «Евгения Онегина» и его, естественно, не мог удовлетворить перевод, сделанный им с перевода, а не подлинника. «Я чувствовал, — пишет он, — что копия с копии бледно и бесцветно отражает действительность и желание читать подлинный текст и переводить с него, все сильнее и сильнее захватывало меня».¹

Так возникло его желание изучить русский язык, — «ради Пушкина». Значительную помощь в этом оказал Берци известный профессор кафедры славяноведения Будапештского университета Иожеф Ференц, прекрасный лингвист, владевший семнадцатью языками, в том числе и русским.² К изучению русского языка Берци приступил с большим упорством: в этом, столь трудном для венгерца деле, ему могло помочь знакомство со словацким языком. После шести месяцев настойчивого труда над русскими грамматиками, словарями, упражнениями, Берци смог уже снова заняться переводом «Евгения Онегина», на этот раз непосредственно с русского подлинника. Берци стал первым крупным венгерским литературным деятелем, который специально изучил русский язык в литературных целях и мог переводить произведения русской поэзии не через посредство какого-либо иноязычного перевода.

Из воспоминаний Арани Ласло мы узнаем, что над переводом «Евгения Онегина» Берци работал более трех лет с настоящим энтузиазмом;³ своим друзьям он охотно читал отрывки из готовых частей, делился своими затруднениями, выслушивал их замечания, перерабатывал написанное. Среди этих друзей, между прочим, был и писатель Эбтваш Иожеф, игравший руководящую роль в вышеупомянутом литературном «Обществе им. Кишфалуди». Этим, может быть, и объясняется, что еще до того, как перевод был закончен, он уже был намечен к изданию именно этим обществом (Берци предоставил право издания своего перевода именно этому Обществу).

Во «Введении» к своему изданию «Евгения Онегина» Берци упоминает, что для перевода он воспользовался первым посмертным изданием сочинений Пушкина 1838 г., экземпляр которого нашелся в библиотеке «Сербской Матицы» в Новом Саде.

Его, между прочим, смутило то обстоятельство, что в этом издании отсутствует ряд строф, обозначенных, однако, римскими цифрами, относительно которых он не мог решить, вычеркнуты ли они самим автором, либо выброшены царской цензурой; это заставило его сверить текст, с которого производился перевод, с другими русскими изданиями «Евгения Онегина», в частности, с каким-то изданием, которое он называет «первым». В примечаниях к своему переводу Берци прямо указывает, какие стихи переведены им по этому «первому» изданию, как отсутствующие в издании 1838 г. Необходимо также отметить, что ввиду распространенности среди венгерских читателей немецкого перевода «Евгения Онегина», сделанного Боденштедтом, Берци отметил и те стихи Пушкина, которые у Боденштедта остались непереведенными. Желая сохранить максимальную верность подлиннику и не считая себя

¹ Предисловие к переводу «Евгения Онегина».

² Там же.

³ A r a n y L á s z l ó, Összes Munkái, т. II. — Bérczy Károly emlékezete, стр. 95.

в праве что-либо изменять или «поправлять» в тексте Пушкина, Берци принужден был упрекнуть Боденштедта за целый ряд допущенных в его переводе вольностей или даже сознательных искажений. Берци справедливо указал на ряд самим Боденштедтом сочиненных стихотворных строк.

В качестве примера он, между прочим, ссылается на окончание второй главы «Евгения Онегина» (строфы XXXIX и XL), где Пушкин говорит о себе с присущей ему скромностью и юмором —

Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

Вместо этих стихов в переводе Боденштедта нечто совсем иное:

Nach Ruhm des Tages sterb' ich nicht,
Doch hätt ich gern durch mein Gedicht.
Ein dauernd Denkmal mir errichtet,
Dass man des Dichters nicht vergisst,
Wenn auch sein Staub begraben ist.

Легко видеть, что у Боденштедта мысль Пушкина приобрела совершенно обратный смысл; если Пушкин полунасмешливо говорит, что

Без непрямого следа
Мне было б грустно мир оставить...

то Боденштедт от себя прибавляет строки о «долголетнем памятнике», который он хотел бы себе воздвигнуть своей поэмой: ирония Пушкина и к себе и по отношению к «будущим невеждам» в передаче Боденштедта исчезла вовсе, замененная вполне серьезными самооболащиванием и тщеславием, совершенно выпадающими из общего стиля повествования. «Введение» к переводу Берци «Евгения Онегина» дает краткую, но содержательную характеристику Пушкина-поэта; некоторые данные заимствованы Берци у Герцена.

«Евгений Онегин» в переводе Берци имел большой успех у венгерских читателей и хорошо знаком им и в настоящее время.¹ Он переиздавался много раз и продолжает выходить в новых изданиях как классический венгерский стихотворный перевод иностранного произведения. С большой похвалой об этом переводе отозвался Имре Зилахи-Киш в предисловии к своему сборнику «Северное сияние», назвав роман Пушкина одним из замечательных произведений мировой литературы.² Такую точку зрения можно найти также и во многих старых венгерских историко-литературных трудах, далеко не склонных, как мы уже отметили выше, считаться с фактом значения русской литературы для венгерской. Так, в известной «Истории венгерской литературы» Беоти, представляющей собою первый обширный синтетический труд, придерживающийся, однако, вполне «официальной» буржуазной точки зрения, также говорится, что Берци в своем переводе «Евгения Онегина» сумел передать весь колорит произведения и что оно само «настолько совершенно, что роман русского поэта стал одной из самых популярных в Венгрии книг».³ И. Конт в своей «Истории венгерской литературы» на французском языке, рассчитанной на западноевропейского читателя,

¹ Keresztury Dezső Puskin és a magyar olvasó [Irodalom Tudomány] 1946, V, 5—10, о., «Magyarország» 1946, 24.

² Введение к сборнику «Северное сияние».

³ Beöthy Zsolt, A magyar irodalom története Budapest 1896, II, k. 786 о.

в небольшой заметке о Кароле Берци считает необходимым указать: «Берци изучил русский язык, чтобы перевести «Онегина» Пушкина венгерскими стихами, размером подлинника; этот перевод, несомненно, один из лучших, сделанных за границей (переводов романа Пушкина); каждая строфа выдает любовь венгерского писателя к оригиналу; затруднения всякого рода побеждены здесь с редким мастерством».¹

Большое количество статей о Пушкине, биографических заметок, рецензий на переводы его произведений и т. д. появляется в венгерских журналах и газетах 60-х годов. Уже и десятилетием раньше венгерские периодические издания охотно пишут об его жизни, истории его любви, роковой дуэли. Дьюла Томашифи в своем стихотворении «Пушкин» (1863), основываясь на известиях, почерпнутых из этих изданий, воспеваает Пушкина — жертву царского произвола.² Популярность Пушкина и русской литературы была в эти годы так велика в Венгрии, что для более интенсивного литературного обмена Дьюла Иготко поднял вопрос о создании литературного журнала на русском языке.³ Кроме того, в 1864 г. возник проект создать «Славянскую библиотеку», в которой, помимо русской литературы, печатались бы произведения других славянских литератур — чешской, польской, хорватской, сербской. Эту мысль выдвинул Денеш Пете, который начал заниматься русской литературой под влиянием Кароля Берци.⁴ Даже буржуазное литературоведение признает большую популярность Пушкина у венгерских читателей, и в литературных кругах в 60-е годы Пушкина в этот период венгры считали своим поэтом.⁵

Возникает вопрос, что является причиной столь значительной популярности Пушкина в Венгрии в 60-х годах? Красота ли его произведений, звучность и мелодичность его стихов была причиной этому? Нет, венгерская общественность и писатели видели в нем в те годы в первую очередь поэта, борющегося с самодержавием и ставшего его жертвой, поэта, воспевавшего народ и свободу. Пушкин стал самым популярным поэтом в Венгрии в 60-х годах потому, что в его творчестве видели как бы воплощенными все основные стремления венгерского народа — его произведения вдохновляли и на свержение габсбургского произвола и на борьбу с местной аристократией; в нем черпали идеи личной и народной свободы.

В 1862 г. Пал Дьюлай, выражая свое удовольствие по поводу того, что венгерские переводчики все больше и больше интересуются «русской литературой, обладающей столь замечательными поэтами», писал, между прочим, следующее: «Там (в России. — Г. Х.), как и у нас только лишь несколько десятилетий тому назад, поэзия стала национальной: народно-национальные элементы в сходных же обстоятельствах пробились вверх; русский поэт так же борется с французской культурой высших кругов, как мы с немецкой культурой нынешних наших высших кругов; недовольство существующим политическим и общественным положением одинаково чувствуется как у русского, так и у венгерского поэтов».⁶ И писатели, и венгерские читатели видели свои идеалы в Пушкине, поэте-борце, который цел о народе, о зреющих в нем силах, о его освобождении. Популяризация биографии Пушкина, полной эпизодами

¹ J. Kont; Histoire de la littérature hongroise, Budapest-Wien—Paris, 1900, p. 387.

² Nőgyűfűtár, 1863, II, 50.

³ Fővárosi Lapok, 1866, 40 sz.

⁴ Koszoru, 1864, II, 21 sz., 503 o.

⁵ György Lajos op. cit 51 o.

⁶ Gyulai Pál kritikái dolgozatainak újabb gyűjteménye, Budapest, 1927, 137 o.

его героической борьбы с самодержавием, его произведений в новых и новых переводах, укрепляли венгерское национальное самосознание, просвещали венгерские народные массы в их борьбе против австрийского произвола и венгерской аристократии и учили их любить свободу. Даже простое упоминание имени Пушкина играло роль протеста, оружия в национальном движении 60-х годов. За распространение его поэзии ратовала лучшая часть венгерских писателей этого периода в ее борьбе «с упадочническими настроениями и эпигонством венгерской литературы после 48 года», как характеризует этот период венгерский критик.¹

Влияние Пушкина в Венгрии в 60-х годах в отличие от влияния известных здесь в то время западных писателей выразилось не столько в литературных или стилистических «подражаниях» ему, сколько в усвоении духа и целенаправленности его творчества и поэтому имело глубокий общественно-политический смысл. Естественно, впрочем, что отношение к Пушкину различных венгерских писателей не могло быть единым. Большинство видело в нем поэта-борца с неправдой и произволом, но и в это признание каждый из венгерских писателей и критиков вносил свои характерные классовые отличия и оттенки. Так, либеральные дворяне Имре Зилахи-Киш или Мор Йокай видели в Пушкине прежде всего поэта-декабриста, дворянского революционера, борющегося против господства аристократии. Пал Дьюлай или Ласло Арань, напротив, изображали его прежде всего как борца за национальную культуру, за народ в буржуазно-националистическом смысле. Благодаря популярности и авторитету этих венгерских писателей подобные точки зрения на Пушкина получили в Венгрии довольно значительное распространение. В доказательство мы можем сослаться хотя бы на один, впрочем достаточно характерный, пример.

Интересным показателем популярности в Венгрии во второй половине XIX в. Пушкина-поэта, а также знакомства с его человеческим обликом и с фактами из истории его жизни может служить роман весьма популярного венгерского писателя Мора Йокая (1825—1904), озаглавленный: «Свобода под снегом или зеленая книга» (Szabadság a hóalatt vagy a zöld könyv). Это весьма фантастический роман из русской жизни, посвященный заговору и восстанию декабристов, в котором выведен также и Пушкин. Для того чтобы видеть, насколько далек от действительности этот «исторический» роман знаменитейшего из венгерских беллетристов XIX в., достаточно сказать, что одним из центральных действующих лиц «Свободы под снегом» является некий, разумеется, полностью вымышленный Йокаем, князь Иван Максимович Гедимин. Гедимин стоит во главе заговора «Зеленой книги», под которым нужно подразумевать, повидимому, «Северное общество» декабристов; в романе выведены Пестель, Рылев, Якушкин и др. Гедимин является другом Пушкина и влюблен в знаменитую финскую певицу Зинаиду Ильмеринен. Последняя любит Пушкина, но старается устроить его свадьбу с какой-то фантастической грузинской княжной Bethsaba (!). Аракчеев со своими приспешниками пытается вскрыть нити заговора тайного общества «Зеленой книги». Зинаида спасает жизнь Пушкина и Гедимина, но не может воспрепятствовать ссылке последнего в Сибирь. Таков, в общих чертах, этот, сюжетно очень занимательный, как и все произведения Йокая, но во всех отношениях неправдоподобный роман, составленный им с помощью ряда иностранных сочинений о России,

¹ Lukács György, Irástudók felelősége, Budapest, 1945, 33 о.

большую часть весьма сомнительной достоверности.¹ Отметим, впрочем, что в романе выведена также цыганка, и что в тексте несколько раз цитируются отрывки из «Цыган» Пушкина в стихотворном венгерском переводе самого Йокая, сделанном, разумеется, не с русского подлинника.² Как и все произведения Йокая, роман этот, несомненно, много читался в Венгрии.³

Из венгерских писателей того времени вернее других понял Пушкина Кароль Берци, типичный представитель венгерской буржуазии 60-х годов. Его пленил реализм Пушкина. Он считал, что в венгерской общественной жизни его времени были известные аналогии тому, что наблюдалось в жизни русского общества в 30-е годы XIX в.; с его точки зрения, например, недовольство венгерской буржуазии аристократией и «официальными либералами» могло почерпнуть в творчестве Пушкина немало весьма поучительного, например в области борьбы с иноземными культурными влияниями в национальной жизни. «Русский поэт, — писал Берци, — видел, что русское высшее общество под иностранным влиянием стало тем, чем оно является, и его культура является лишь отражением западной культуры». «Пушкин, — писал Берци далее, — не может примириться с существующим порядком, с государственной жизнью, не может признать за основу власти национальную силу, опирающуюся на пушки и штыки, но несмотря на это, не может отказаться от инстинктив-

¹ Из примечаний Йокая к роману видно, что источниками для его произведения послужили несколько иностранных сочинений о России и о заговоре декабристов, французские и немецкие по преимуществу.

² Первое издание этого романа вышло в свет в Будапеште в 1879 г. в четырех томиках. Мы пользовались текстом так называемого «национального» собрания сочинений Йокая в 100 томах, в котором «Свобода под снегом» занимает весь 66-й том (Jókai Mór, összes művei nemzeti kiadás, LXVI, k, Budapest, 1897). В приложении к «Szabadság a hó alatt» в этом издании на стр. 466—482 напечатаны «Цыганы» Пушкина в венгерском стихотворном переводе Йокая (названные, впрочем, «Цыганская девушка»: A Czigányleány, Elbeszélő költemény Puskin Sándortól со следующими примечаниями переводчика: «Думаю, что читатели «Свободы под снегом» с удовольствием прочтут эту поэму, о которой так много говорилось в самом романе; поэма дается в переводе автора» (стр. 466).

³ Сочинения Пушкина Йокай знал в переводе Ф. Боденштедта Jean Hankiss («Jekai et la France, Revue de lit. Comparée» 1926, p. 270—271), исходя из того значения, которое для Йокая имела французская повествовательная литература, высказал догадку, что в построении сюжета «Свободы под снегом» Йокай воспользовался рядом ситуаций в романе А. Дюма из русской истории «La maison de glace», не зная, однако, о том, что этот роман Дюма, в свою очередь является переделкой романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом»! Ж. Ганкиш не знал также, что другой, весьма бойкий французский романист Луи Юльбак, «в подражание» указанному роману М. Йокая составил свой роман и озаглавил его даже «Свадьба Пушкина» (собственно два романа, служащих продолжением один другого: «Le tapis vert», imité de Maurice Jókai, par Louis Ulbach, (Paris, 1880) и «Le mariage de Pouchkine» (Paris, 1881). Оба романа представляют собою обработку буквального рукописного перевода романа Йокая с венгерского на французский язык с соответствующими переделками и амплификациями, рассчитанными на «вкусы» французских читателей. Легко представить себе, какие нелепости оказались во всех этих романах, переживших столь удивительные трансформации, и как мало следов осталось в них от их русской исторической или литературной основы! Тем не менее, указанный роман Йокая под заглавием «В стране снегов» начал печататься в русском переводе в журнале Салиаса «Полярная Звезда» (1881, №№ 1—6), но перевод дошел только до половины и был запрещен цензурой. Роман Йокай отмечен был в кратком очерке венгерской литературы Вл. Зотова; он пишет, что роман Йокай «Свобода под снегом»... имеет исторический характер; действие его происходит в России, во времена Александра I, но действующие лица нимало не похожи на русских». Вл. Зотов. История всемирной литературы, т. IV, СПб., М., 1882, стр. 807. Об ошибках в биографиях Пушкина и Лермонтова, принадлежащих перу М. Йокая, см. также в заметке «Русь за границей» в газете «Россия» 1888, 5 ноября, № 41, столбец 454.

ной надежды на будущее наличие своей родины; русский писатель бичует все это, чтобы добиться перемен и сквозь слезы смотрит на отечественные условия, давая им верное, естественное отображение».¹

Упомянем здесь еще о поэте Яноше Вайда (1827—1897), который, хотя и не переводил Пушкина (он был переводчиком «Героя нашего времени» Лермонтова), но хорошо его знал; в творчестве Вайда, как увидим, произведения Пушкина несомненно оставили заметные следы. Его понимание Пушкина отображает взгляд на русского поэта венгерской прогрессивной демократической интеллигенции. Я. Вайда видит в Пушкине борца за народ, правдивого изобразителя народа и вдохновенного певца его чаяний и надежд.

Влияние, которое оказал Пушкин на развитие венгерской литературы в течение трех десятилетий после компромисса 1867 г. до выступления Эндре Ади — крупнейшего венгерского поэта демократа XIX в., проявилось в самых разнообразных формах. У Пушкина учились писательскому мастерству, он вдохновлял и своими идеями и общественной содержательностью своего творчества.

Венгерское буржуазное литературоведение, как мы уже указывали выше, тенденциозно замалчивало вопрос о влиянии русской литературы, в частности произведений Пушкина на литературу венгерскую.

В венгерских историко-литературных трудах поднимались изредка в этой связи лишь частные и случайные вопросы (например, о влиянии «психологизма» Достоевского), но такая важная проблема, как отношение венгерского реализма к русскому, выяснение роли русской литературы в его формировании, разработана еще не была, хотя современная венгерская литература без этого непонятна и интерпретация ее фальшива. Правда, буржуазное венгерское литературоведение не занималось еще самим реализмом, только современные марксистские работы по литературоведению и эстетике стали подходить к этому вопросу, но и они до сих пор более интересуются разъяснением общих понятий по отношению, главным образом, к современной литературе.²

Так называемое «соглашение 1867 года» в истории Венгрии являлось соглашением венгерского помещичьего класса с австрийской буржуазией. В результате оно привело к завершению австрийской революции.

«Буржуазная революция в Австрии, — писал Ленин, — началась в 48 году, и завершилась в 67 году».³ Это было достигнуто ценой венгерского компромисса, когда Венгрия была подданной австрийской буржуазии. Поэтому под формальным равноправием таилось господство австрийского капитала в Венгрии.⁴ Признание конституции 1848 г. без осуществления декларации независимости 1849 г. означало лишь формальное завершение венгерской буржуазной революции. Поэтому после 1867 г. венгерская буржуазия усилила борьбу за экономическую независимость, за взятие в свои руки руководства венгерской экономикой. Когда эта борьба достигла частичного успеха, верхушка буржуазии, испугавшаяся усиления пролетариата, слилась с помещиками. Но мелкобуржуазные массы одно время продолжали еще бороться. Эта борьба

¹ Введение Берци к «Онегину».

² См. статью Дьердя Лукача между 1945—1948 гг. полемику Гоал Габор и Бенедек Марцел в журн. «Утунк», 1947 и журналы «Форум», «Валошаг» и т. д.

³ В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVII, стр. 436.

⁴ И. П. Трайнин, «Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад», изд. АН СССР, 1947, М.—Л., стр. 142, 229.

шла не за демократические преобразования, это было лишь либеральное движение за ускорение капиталистического процесса.¹

Эти две фазы борьбы венгерской буржуазии вплоть до первого десятилетия XX века отразились и в венгерской литературе. После 1867 г. австрийское угнетение было заменено «угнетением народа в национальной форме».² Исторические классы долгое время монополизировали все отрасли культуры, уничтожив всякие тенденции, противостоявшие этому стремлению. Создалась «официальная литература», по выражению Дьердя Лукач, литература, которая попыталась отгораживать от литературы все новое и прогрессивное. Начиная с 70-х годов демократическая буржуазия, не имевшая возможности и не смевшая выступать в обстановке «жандармской свободы», подняла свой голос против господствующего класса и официальной литературы. Нередко это был лишь литературный протест. Эта буржуазная оппозиция, опиравшаяся на русскую литературу, пока не находила своей реалистической формы выражения. Она искала опоры в прозе Тургенева и Гоголя, в поэзии Пушкина. Вдохновленные реализмом этих русских писателей, венгерские писатели изображали венгерскую действительность.

В 70—80-х годах XIX в., когда политические и общественные противоречия в Венгрии особенно обострились, недовольная, с одной стороны, мелкая буржуазия, и угнетенные рабочие и крестьянские массы — с другой, вели свою борьбу прежде всего в области литературы. В ходе этой борьбы на основе влияния русских писателей рождается венгерский реализм. Наибольшая популярность Тургенева, а затем Гоголя падает именно на эти десятилетия. В 1877 г. на венгерском языке издается роман Чернышевского «Что делать?», в 80-х годах венгерское общество знакомится также с Некрасовым.³

Влияние Пушкина, обеспечило рост современной венгерской литературы и подготовило выступление поэта демократа Ади Эндрэ. Венгерские читатели 70-х годов считали Пушкина величайшим поэтом мира. В 80-х годах, когда был открыт памятник Пушкину в Москве, множество статей о русском поэте было опубликовано в венгерских журналах и газетах. Венгерская газета «Пастер Ллойд», издававшаяся на немецком языке, заявила, что «немецкая литература не может указать на поэта, ему равного».⁴

Венгерский роман в стихах берет свое начало и развивается под влиянием Пушкина, и на всех произведениях этого рода лежит пушкинская печать. Самым выдающимся мастером этого жанра был переводчик Пушкина и Лермонтова Ласло Арань; наиболее удачным его произведением был роман в стихах «Герой Фата Моргана» (1873), целиком написанный под влиянием «Евгения Онегина», что заметили уже и современники.⁵ Вторым поэтом, писавшим в этом роде, был Пал Дьюлай. Его роман в стихах «Ромчаны» (Romcsanuyi) считается одним из самых удачных произведений этого жанра и восходит к Пушкину идеологически и по формальным признакам.⁶ Сам Дьюлай подчеркивал, что его учителем был Пушкин с присущим ему реализмом.⁷ Все венгерские «романы

¹ Lukács György, op. cit., 57 o.

² Lukács György: A 100-éves Toldi, «Forum», 1947, 501 o.

³ См. указания библиографии.

⁴ Pester Lloyd, 1880, № 30. Этот отзыв уже приведен был в отрывках и с соответственной оценкой в газете Е. Карновича «Отголоски», 1880, № 23, стр. 366 и у П. Д. Драганова, Пятидесятиязычный Пушкин, СПб., 1899, стр. 39.

⁵ A délibábok hőse; ismertető. Vadrái Károly, «Fővárosi Lapok» 88 sz.

⁶ «Fővárosi Lapok», 1871, 39 sz., 1872, 221 sz.

⁷ Papp Ferenc: Gyulai Pál, Budapest, 1941, II, k., 16 o, 75 o.

в стихах», включая сюда и вышеупомянутые, в литературном отношении, стоят не очень высоко. Их ценность в настоящее время прежде всего историческая.

У крупного венгерского поэта второй половины XIX в. Яноша Вайда (1827—1897), с произведений которого начинается свою историю современная венгерская поэзия, также проявляется влияние Пушкина. Буржуазное литературоведение не видит в Вайде поэта 48-го года, а лишь пессимиста 70—80-х годов и не считает его борцом против современных ему правящих общественных классов. Однако, в самом деле, что это за пессимизм, который был свойствен Вайде? Это острый политический протест против соглашения 1867 г., с одной стороны, а с другой—горькие разочарования в той интеллигенции, вместе с которой поэт боролся за свободу в революции 48-го года и после нее, но которая после компромисса 48-го года находилась в полном упадке. Здесь и находится объяснение того «человеконенавистничества», которое будто бы ему присуще, с точки зрения буржуазных венгерских критиков¹ (см., например, его стихотворение «Песня Люзитана», ярко выражающее непонятый критикой политический протест Вайды). Его патриотические стихи принадлежат к лучшим в венгерской поэзии. В них ясно высказалась его любовь к родине, к родине 48-го года, к венгерскому народу. Его родина — это Венгрия, созданная революцией, за которую жертвовали жизнью воспетые им «красношапочники» (молодежные авангардные войска времени революции 1848 г.). Его понимание нации и ее будущего создано под влиянием Пушкина (см. например, его стихотворения «Самоосуждение» и «Обуржуаживание»).

В сущности, мало кто из венгерских поэтов так оптимистически взирал на грядущее, как этот «пессимист» и «человеконенавистник» Вайда.

В его печальных стихах все-таки светит надежда — народ, чистый носитель торжества, справедливости и человеколюбия. Поэт мечтает о будущем, которое будет веком гуманизма и счастья. Веру в будущее он черпает из уверенности в грядущем торжестве народа. Он мечтает, что после этой победы восторжествует мир, ибо люди познают истину. Одно время в своих стихах Вайда давал широкую картину современного ему общества.² Вера в силу народа проявляется также в его стихотворениях, построенных на темах и образах народного творчества (см. его стихотворения «Абель Аронко», «Тержек Янко или лживый силач»). Вера в народ, взгляд на него, как на залог будущего, проявляющегося у Вайды с полной силой, и означает торжество пушкинских идей и его оплодотворяющего влияния на венгерскую общественную мысль. Поэтому и Эндре Ади считает Вайду своим учителем и предшественником.

Борьба за новую современную литературу идет до появления Ади.³ Поэт-демократ, один из достойных продолжателей дела Шандора Петёфи, Эндре Ади (1877—1919), знал произведения Пушкина с молодых лет. В его юношеских стихах уже звучали мотивы из Пушкина; таково, например, его стихотворение «Письмо Татьяны» (1899), восходящее к «Евгению Онегину».⁴ О том, как Эндре Ади уже в эти годы любил и знал Пушкина, отчетливо представляя себе его значение в истории русской и мировой поэзии, свидетельствует следующий любопытный факт. В венгерскую печать проникло известие о том, что в России по случаю сто-

¹ Beöthy, op. cit. II, k., 727 o.

² В стиле Пушкина написал Вайда поэму «Свидание», 1877.

³ Lukács György, op. cit., 32 o.

⁴ György Lajos, там же, стр. 17; и A dy Endre; Rövid dalok egyről-másról, összegyűjtötte Földessy Gyula, Budapest, 1923, 19 o.

летия со дня рождения Пушкина некий «директор железной дороги» воспретил своим чиновникам участвовать в устроенном по этому поводу празднике, поскольку «Пушкин не был железнодорожным служащим».¹ Этот анекдотический случай вызвал глубокое возмущение Эндре Ади и вдохновил его к написанию стихотворения, озаглавленного «Пушкин», в котором он защищает «святое и дорогое» имя русского поэта от посягательств на него невежественных царских сатрапов. Стихотворение Э. Ади тогда же было напечатано в газете «Дебрецен».²

Однако совершенно не случайно, что венгерская литература, которая выросла из самобытной венгерской жизни, находилась под ощутимым воздействием русской реалистической литературы. Это влияние исходило от тех русских писателей, которые выросли на народной почве и боролись за такие же цели, как и венгерский народ.

История последних двухсот лет венгерского народа — это борьба за свободу в изменяющихся исторических условиях против господствующих классов и иностранного угнетения. Особенность русской литературы Роза Люксембург охарактеризовала в следующих словах: «Отличительной чертой этой внезапно столь пышно расцветшей русской литературы является то, что она народилась из оппозиции к господствующему режиму, из духа борьбы. Эта черта заметно отражается на ней в течение целого XIX века. . . Русская литература стала под властью царизма, как ни в одной стране и ни в какие времена, могучей силой общественной жизни и осталась на своем посту целое столетие, до тех пор, пока ее не сменила материальная мощь народных масс, до тех пор, пока слово не стало плотью».³

Эта боевая черта русской литературы роднит ее с венгерским народом и объясняет решительное влияние Пушкина на развитие венгерской общественной мысли и литературы.

Торжество Пушкина сделало более сознательными любовь к свободе, борьбу за независимость в угнетенном венгерском народе, и под его влиянием внедрилась в литературное сознание уверенность в победу народа.

Венгерский народ рассматривал Пушкина как своего поэта второй половины XIX в., поэта, который хотя в другой исторической обстановке писал для другого народа, все-таки выражал главные стремления и желания венгерского народа. Эти стремления в течение столетий остались лишь желаниями, и осуществлению их способствовал именно тот народ, который дал Пушкина. Лучшая часть русского народа уже 100 лет назад боролась за свое освобождение и лучшее будущее, способствуя борьбе человечества.

Уже после получения корректур настоящей статьи, автору стали известны появившаяся в журнале «Новый мир» (1949, № 6, стр. 234—240) статья А. Лидина «Пушкин в Венгрии», а также статья О. Курило «Пушкин и венгерская литература»

¹ Об этом случае, действительно имевшем место в дни пушкинского юбилея в 1899 г., кстати сказать, проходившего на весьма низком культурном уровне и при полном равнодушии, если не явной враждебности со стороны царского чиновничества, сообщено было в петербургской газете «Сын Отечества» 1899, № 158. По словам газеты служащим «одной железной дороги запрещено было начальством службы тяги принимать участие в пушкинских торжествах, на том основании, что, — как говорилось в этом удивительном приказе, — Пушкин никогда по министерству путей сообщения не служил». См. П. Н. Берков, Из материалов пушкинского юбилея 1899 года, «Временник» Пушкинской комиссии, кн. 3, Л., 1937, стр. 409.

² A d y É n d r e «P u s k i n», Debrecen 1899. Jul. 12 № 137 A d y É n d r e; R o v i d d a l o k e g y r ő i m á s o l, o s s z e g y ű j t e t t e F o l d e s s y G y u l a B u d a p e s t. 1923, 19 o.

³ Роза Люксембург, статьи о литературе «Душа русской литературы», изд. Academia, 1934, стр. 102—103.

(газета «Советское Закарпатье» Ужгород, 1949, № 130, стр. 4). Эти статьи не совпадают с нашей работой ни по выводам, ни по материалу, а с другой стороны, как нам кажется, заключают в себе ряд ошибочных утверждений. Так, О. Курило в цитированной статье утверждает, например, что «критические статьи и обзоры о Пушкине, которых написано около 80, все шире раскрывают перед венгерской общественностью всю сущность, величие и идейную направленность мысли и творчества гения русского народа». Далеко не все эти статьи способствовали правильному пониманию Пушкина венгерскими читателями; среди них было не мало и таких, которые искажали творческий облик Пушкина, представляя его лишь «певцом любви» (совершенно так же официальное венгерское литературоведение фальсифицировало революционное творчество Петёфи). К числу указанных фальсификаторов Пушкина принадлежит, например, и называемый в статье О. Курило Лайош Гатвани, выходец из известной семьи баронов Гатвани. Курило цитирует стихотворение Гатвани «При чтении Онегина» (1903) и утверждает, что «влияние и воздействие Пушкина глубоко отразилось на творчестве Гатвани». На самом деле Гатвани говорил только о стилистических красотах пушкинской поэзии и не пошел дальше. В числе «двадцати венгерских журналов», поместивших в 1937 г. обширные статьи о Пушкине, о которых упоминает О. Курило, было не мало и таких, которые пытались клеветать на СССР и русский народ. Следовало выделить среди них (правда, называемый в указанной статье) прогрессивный венгерский журнал «Корунк», где статья о Пушкине Миклоша Ковача заканчивалась утверждением, что «Пушкин всю жизнь идет в ногу с передовой мыслью. Поэт верил, что «оковы тяжкие падут» с русского народа. Не следует забывать, что борьба за правильное понимание великого русского поэта была частью идеологической борьбы в Венгрии в то время.

А. Лидин в своей статье также уделил мало внимания вопросам идейной борьбы, развернувшейся вокруг Пушкина и в 1937 г. и в более ранние годы. Не стоило бы, по нашему мнению, цитировать формалистические утверждения Аладар Комлоша о причинах популярности Пушкина в Венгрии в 60-е годы XIX в. А. Лидин, вообще говоря, ссылается на весьма второстепенных и не имевших значения для венгерской литературной мысли критиков. Нужно ли было, например, цитировать высказывания о значении освободительных и патриотических идей Пушкина незначительного современного венгерского писателя Геза Хегедюш, автора ряда космополитических и путанных «научно-популярных» компиляций?

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9